

ВИКТОР ПАСТУХОВ

РУССКАЯ ТЕТРАДЬ

КОЛОДЕЦ

Каждый период истории
я примеряю к стране,
к людям её, к территории,
к силам внутри и вовне.

Славно минувшее, мерзко ли —
через плечо не плюю.
В этом колодце, как в зеркале,
вижу я долю свою.

Царское или советское —
всё перемешано в ней.
Но из колодца лишь светлое
я достаю для детей.

Давности все и недавности
в нём и во мне сведены
чистой водой благодарности,
тёмным осадком вины.

ПАСТУХОВ Виктор Степанович родился в Приморье. Окончил электротехнический институт. Преподает автоматизацию энергосистем. Публиковался в журнале "Наш современник" и в альманахе "Литературный Владивосток". Автор трёх стихотворных книг. Живёт и работает во Владивостоке.

Веры отцовской достоин ли?
Что передал по родству?
Каждый период истории
заново я проживу.

В доме, где брань и метания,
всех примирю и прощу.
В чьей-то вине оправдания
я для себя не ищу.

Но ни ханжам, ни хулителям
родины я не отдам.
В жизни своей победителем
каждый становится сам.

Зря на виду и за шторами
муть поднимают со дна.
Прочь от колодца истории!
Это не ваша страна!

СЛАВА

...Свистели стрелы, шли навстречу рати,
искали плоти копьё и мечи.
Ярился враг, и предавали братья:
за княжескую шапку — в палачи.
Но крепла Русь крещёная, сметая
тевтонских псов и всадников Мамаю
в единстве ополчений и дружин...
В награду — кнут боярский, рабский чин.
Но после смут и зыбкого смиренья
был глас Петра: “Твоё, Россия, время!”
И встал, расправив плечи исполин.

История! Ты рядом и не рядом.
В учебнике, на плёнке кадр за кадром
ты — дух и лик возлюбленной земли.
Виктория! Дробили стены ядра,
и в Чёрном море русская эскадра
турецкие топила корабли.
Дрожал Париж под конницей казачьей,
и по Берлину танки шли, рыча.
И знал тогда обидчик и захватчик,
что русские дадут любому сдачи,
а меч поднявший рухнет от меча!

ВИТЯЗЬ

На перекрёстке — камень придорожный
и надпись, где указывают путь
соблазн и смерть.
А сзади зов тревожный.
Ты слышишь, Витязь?!
Выбор-то несложный:
пора коня обратно повернуть.
Пока ты мыслишь свадьбу и войну,
твой древний дом растащат по бревну!

На пагубу — земельные угодья.
Под корень — заповедная тайга.
Плодится инородье и безродье.
А ты, герой, и не повинен вроде?
О чём же твоя дума и туга?
И скоро ли объявишься в народе
как истинный хозяин и слуга?

Свои пределы обойди дозором.
Вольготно стало за твоей спиной
удельным разорителям и ворам,
и стольным их заступникам, которым
за мзду не жаль и матери родной.
Притворный друг безжалостней врага.
Вступишь, коли держава дорога!

Спасай детишек, объясняя смалу
в музее, в кассе, по телеканалу,
что значит долг, Отечество, семья.
Но прежде примиришь, как предки, с Богом
в сердечном плаче, в покаянье строгом
ты, Витязь, ты — моё второе Я!

ВЕРНОСТЬ

С улыбкой, спрятанной у глаз,
в костюме-тройке старомодном,
в плаще, казалось, всепогодном —
таким он помнится сейчас.

Старик жил замкнуто, но мы,
когда у лифта с ним встречались,
вполне приветливо общались
на темы смога и зимы.

Он неожиданно пропал
среди моих разъездов летних.
И я о проводах последних
от наших бабушек узнал.

Ещё мне каждая при встречах
пересказала на свой лад
про то, что мой сосед — разведчик,
и у него не счесть наград.

Что генералы (сразу трое!)
за гробом удручённо шли,
а впереди Звезду Героя
на красном бархате несли.

На кладбище звучали речи,
рыдали трубы, был салют...
И лишь молчал сосед-разведчик...

Мне кажется — и в муках вечных
такие тайн не выдают.